

Письма отовсюду, со всех концов бывшей советской державы потоком пошли в наш архив после опубликования Закона СССР о реабилитации жертв массовых политических репрессий 30-50 годов. Четким каллиграфическим почерком либо строками, старательно выводимыми руками старого человека, писались исповеди-воспоминания о годах загубленной юности. За каждым — рассказ о трагедиях семей, распадавшихся под ударами жестокого времени.

Работники архива перерывали временные пласты в поисках подтверждения того, что здесь, на много-страдальной земле Центрального Казахстана, на территории, равной всей Франции, на солидном осколке Архипелага ГУЛАГ, затерялась песчинка-судьба, оторванная от семейного уюта, живых человеческих страстей. За каждым фактом — живая душа, со своими радостями и болью. Потребовались годы напряженного труда, чтобы восстановить картину пережитого, систематизировать разрозненные данные.

... Куда пойдешь с клеймом врага народа? Знаешь ведь, что муж или жена отреклись от тебя: то ли в праведном гневе искренне изобличая в тебе «ползучую гидру империализма», то ли спасая свою карьеру, подленько отворачиваясь от того, кому клялся в любви и преданности навечно.

И встречались, горемычные, тянулись друг к другу похожестью историй крушения надежд и вероломства близких, поддерживали и согревались взаимным участием.

Да и время само, не для оправдания будет сказано, требовало публичного покаяния за грехи матери, отца, мужа, жены, братьев, сестер, предания анафеме и полного отречения.

Вот строчки из личного дела находившейся в Карлаге одной из сестер бывшего начальника Главного Политуправления Красной Армии

Гамарника, где записано: «Мой брат, как враг народа, покончил жизнь самоубийством». Публичное отречение? Да. Но всегда ли искреннее?

Известна судьба Александра Леонидовича Чижевского. После ареста жена разорвала с ним связь, и лишь дочь продолжала, невзирая на косые взгляды окружающих, переписку с отцом. В Спасском лаготделении (лечебке) он знакомится с Ниной Перешкольник, в девичестве Энгельгард. Она становится его фактической женой, помогает ему в научной переписке. Срок заключения ее закончился раньше, и она — актриса Карагандинского областного театра оперетты вместе с театром переезжает в Западный Казахстан, Уральск. Здесь Нину вновь арестовывают «по подозрению в шпионских связях» и ссылают в Джамбулскую область.

А. Л. Чижевский после освобождения «прописан» в Караганде. И идут ее письма в МВД с просьбами о переводе к мужу в Караганду. В последующем уже вместе с ним она уезжает в Москву.

Жизнь брала свое. Мимолетное, пусть неокрепшее, а зачастую проходящее через все годы несвободы нежное чувство, называемое любовью, давало ростки новой жизни.

А ведь знали они, что эти «цветы жизни» с самого начала обречены на неволю и даже на полное забвение. И, тем не менее, появлялось «это чудо великое — дети». Жизнь в Карлаге была, в основном, расконвойная. Бдительные сотрудники оперчекотделов били тревогу о частых контактах «врагов народа», так как не хватало огороженных заборами и колючей проволокой зон, где запереть следовало бы «контру».

Но эта «контра» была дешевой, практически бесплатной силой, возделывавшей тысячи гектаров ранее бесплодных сельскохозяйственных угодий, давая рекордные сборы картофеля, пшеницы, моркови, свеклы, помидоров и огурцов, кабачков и баклажан, арбузов, яблок, груш, малины и других, порой диковинных, фруктов и ягод. Их умом и мозолистыми руками возведены ирригационные системы, до сих пор действующие. Они выращивали элитный крупный рогатый скот, на базе Центрального отделения в Долинке действовала целая школа передового опыта, в которой занятия вели крупнейшие ученые, известные до ареста всей стране и миру.

Каждый, кто попадал за колючую проволоку, знал, что встречи с рожденными в неволе детьми возможны лишь до определенного младенческого возраста, после 3-4 лет ребенка положено было переводить в детские дома за пределы Карлага.

И терялись судьбы детей в архивах детских домов, по которым сложно определить, откуда и как попал в детдом ребенок.

А матери по освобождению из лагеря искали и не всегда находили своих детей. «Повезло» больше тем, чьих малышей из-за недостатка мест в детских домах, продолжали содержать в домах ребенка при лагерных отделениях.

Мы столкнулись, к примеру, с большими фолиантами переписки, где начальство Карлага стучалось в двери властей различного уровня с просьбами о выделении мест в детдомах для перевода из Карлага достигших

Карлаг... Лагеря, зоны, поселки спецпоселения-все представляют его как единый центр ссылки. Гигантская машина, перемоловшая в своих жерновах десятки тысяч людей разных национальностей. Жертвами репрессий стали русские и немцы, украинцы и казахи, белорусы и чеченцы, эстонцы, ингуши, поляки... Мужчины и женщины... Молодые, старики и дети.

Информационный центр УВД Карагандинской области, его архив, ныне архив Центра правовой статистики и информации при прокуратуре области, ведет серьезную исследовательскую работу по восстановлению исторической справедливости, оказанию помощи жертвам политических репрессий.

Одна из самых гуманных акций — поиск детей Карлага, отслеживание судеб тех, кто родился и вырос в сталинских лагерях. Сюда (г. Караганда, ул. Жамбыла, 97) сегодня могут обратиться те, кто волею судеб связан с Карлагом, кто родился в этих местах, чтобы уточнить сопричастность к истории края.

Заместитель прокурора области, начальник Центра Виктор ГОРЕЦКИЙ рассказывает о судьбах узников Карлага, о работе с документами Карлага.

Карлага

трех-четырёхлетнего возраста. Да не всегда это исполнялось.

И вот спустя десятилетия — сотни писем с просьбой подтвердить факт рождения в Карлаге у осужденной по политическим мотивам.

Но... События давно минувших дней перекинули в костер многие личные дела отбывших наказание. По инструкциям того времени, на постоянное хранение оставались лишь личные дела умерших в местах лишения свободы от болезни либо в результате исполнения нового приговора по инициативе шпионоискателей в Карлаге.

Остальные дела по истечении срока хранения должны были уничтожаться, оставляя память о человеке в архивной карточке. Причем, сроки хранения были одинаковы для дел тех, кто сидел за общеуголовные преступления, и тех, кто водворен в Карлаг за антигосударственные. Только после создания в послевоенный период особых лагерей МВД для отбывания наказания особо опасных государственных преступников (в Карагандинской области «Степной» и «Песчаный»), сроки хранения учетных дел увеличились, что позволило им дожидаться поры реабилитации.

Еще того хуже, при ликвидации Карлага, за недостатком архивохранилищ уничтожено большое количество дел, даже тех, которые должны храниться постоянно без ограничения срока.

И лишь в личных делах заключенных оставались документы медицинского характера с педантичным отражением всех обращений к медперсоналу, в том числе и по беременности и родам.

Ни списков родившихся, ни списков рожениц, ни иных документов из медико-санитарной службы в архив не сдавалось.

Регистрация родившихся велась лечебно-санитарным отделением и учетно-регистрационной частью управления Карлага, а затем она осуществлялась прикреплёнными райзагсами г. Караганды. В свидетельствах о рождении отражалось, что ребенок родился в селе Долинка Карагандинской области. Указывались данные родителей. Если их союз был с определенной надеждой на будущее, указывалась фамилия фактического отца (при его согласии). Если связь мимолетная — по просьбе матери нередко ставился прочерк.

Работники архива Центра взяли за поиск документов подтверждения фактов, которые так необходимы людям.

К этим беспокойным и не равнодушным к человеческим трагедиям XX века можно отнести Назарову Марию Федоровну, которая до 1995 года работала в нашем архиве, а затем — в областном государственном, оставаясь нашим консультантом. Ее личная пристрастность и настойчивость и подвигли начать эту работу еще в 1993 году. Этой идеей она заразила бывшую свою помощницу, а ныне начальника отдела архивной работы Карсакову Гульнару Нурсултановну. С архивами детских домов Осакаровского района. В архивных актовых записях указывалась фамилия инициатора регистрации, так как по «детям Карлага» это были не родители, а представители администрации.

В редких архивных книгах детдомов в сведениях о родителях лишь иногда указывалось, что они «временно отсутствуют». Прямых указаний, что ребята рождены в Карлаге, записывать было нельзя. Да дети, взрослея, прощаясь с людьми, заменивших им родителей, и не знали, что они фактически «дети Карлага».

Шло тщательное сопоставление документов, уточнение, выяснение, вновь и вновь возвращались к уже перелопаченным документам. Труд не пропал даром. Всего собрано документального подтверждения о рождении и первоначальном пребывании на территории Карлага около двух с половиной тысяч детишек.

Но тут возник вопрос: а как быть с документами тех, кто родился у женщины, осужденной за общеуголовные преступления: кражи, грабежи, а то и убийства. Была допущена «осечка». С ходом работы знакомились многие журналисты, и в одной из республиканских газет были названы фамилии нескольких детей, попавших из Карлага в один из детских домов. И было сказано, что они могут обратиться к нам с просьбой о реабилитации.

...На прием приходит уже пожилой мужчина, приносит газетную статью с его фамилией, просит сообщить, кто его родители и может ли он претендовать на льготы как пострадавший от политических репрессий. В его свидетельстве о рождении нет сведений ни об отце, ни о матери. В иных материалах находится документальное подтверждение перевода в детдом из Карлага в четырехлетнем возрасте. Глубже копнули — оказалось, что мать его судима за кражи, а отец — за бандитизм. Отсюда ясно, что наверняка и не думала мать забирать после освобождения сыночка, родившегося в неволе. Естественно, дети таких родителей не могут признаваться пострадавшими от политических репрессий. Каково было узнать на склоне жизни, кто твои родители, и заслуживают ли они такого имени? Не лучше ли занять позицию умолчания, чем нанести душевные раны человеку, который не выбирал для себя отца и мать? Пришлось вновь «просеять» списки, и ныне отобрано чуть более полутора тысяч детей, чьи родители были репрессированы по политическим мотивам. Те, кто связан судьбой с Карлагом, могут познакомиться с ними в нашем центре.

Столкнулись с еще одной проблемой.

Получен, к примеру, запрос с Украины от женщины, которая просит удостовериться ее рождение в Карлаге. Начинается поиск материалов-подтверждений, и находится то, что ее мать в Карлаге родила сына, в облархиве ЗАГСа имеется о том актовая запись. Увы! Далее есть сведения, что через год мальчишка умер. Октябрьским же райзагсом в 1948 году после освобождения матери в порядке восстановления по дате рождения сына оформляется рождение дочери.

Работникам Центра пришлось распутывать эту, многие другие истории, сложившиеся за долгие годы, когда Караганда, Центральный Казахстан служили зоной лагерей, зоной спецпоселений.

Мы надеемся, что наш труд не останется не востребованным, люди смогут проследить свою судьбу, судьбу близких, занесенных лихолетьем в наш край.

**Виктор ГОРЕЦКИЙ,
заместитель прокурора области,
начальник Центра правовой статистики
и информации**